

ПЭСТЭПИДЕМИЯ

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

ФОРМУЛА ГЕРАКЛИТА

КИРИЛЛ БЕНЕДИКТОВ

Кирилл Станиславович Бенедиктов

Формула Гераклита

Серия «Постэпидемия»

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Что, если люди не единственная разумная форма жизни на Земле? Что, если есть и другие, кто также имеет все основания считать себя хозяевами нашей планеты? Неведомый враг объявил людям войну, он не знает жалости, а его удары бьют точно в цель. И только врачи могут дать ему отпор и стать щитом всего человечества.

Кирилл Бенедиктов

Формула Гераклита

Ян перешагнул массивный порог, отливавший красным золотом, и тяжёлая стальная дверь медленно закрылась за ним.

Было очень тихо – только в щитке шлема отщёлкивал секунды таймер.

Время пошло.

«Это просто экзамен, – часто повторял им Доктор. – Просто экзамен, да. Но от того, как вы его сдадите, зависит вся ваша жизнь».

На экзамене следует быть предельно собранным, не упустить из виду ни одной детали. Час – это немного, но вполне достаточно для того, чтобы принимать решения обдуманно.

Ян сделал несколько глубоких вдохов, успокаивая сердцебиение. На последнем выдохе широко открыл глаза, осмотрелся. Он находился в полусферическом зале с отливающими матовой голубизной стенами. Никаких ламп видно не было, свет лился словно бы отовсюду. В стенах прятались зеркала – или, может быть, сама поверхность стен становилась зеркальной, стоило к ним приблизиться. Ян придиричиво осмотрел себя в зеркале – снежно-белый, хрустящий на сгибах костюм биологической защиты, бело-синий шлем с поднятым прозрачным забралом, высокие чёрные ботинки,

тонкие, но очень прочные перчатки, облежавшие руки, как вторая кожа. К предплечью прикреплён покрытый защитной плёнкой планшет.

– Курсант Сорокин к сдаче экзамена готов, – отчеканил Ян в тонкий стебелёк микрофона. Ответа он не ждал, но сразу почувствовал: что-то в окружающем его пространстве изменилось.

Одно из утопленных в стену зеркал словно растворилось в воздухе, открыв тёмный проём. Впрочем, тёмным он оставался недолго – с еле слышным шелестом под потолком разгорались лампы, освещая обшитый металлическими пластинами коридор. Ян опустил забрало шлема, и, дождавшись щелчка фиксатора, шагнул вперёд.

Если голубоватая полусфера выглядела вполне современно, даже чуть футуристично – то этот коридор с его стальной обшивкой стен, с люминесцентными лампами под фальш-потолком из хромированного металла, с продавленным тяжёлыми сапогами серым пластиком пола казался реликтом прошлого века. Легко можно было представить, что он ведёт куда-то в подземный бункер, построенный в те времена, когда штабы противоборствующих держав готовились продолжать борьбу даже после того, как первые ядерные удары превратят поверхность планеты в радиоактивный ад.

Ян прошёл по коридору сто тридцать шагов – он считал их – и остановился перед дверью, на которой висела металлическая табличка с выгравированной надписью: «**Война –**

отец всех и царь всех; одних она явила богами, других – людьми, одних сотворила рабами, других – свободными».

Здесь коридор заканчивался. Ян толкнул дверь – ручки на ней не было, но она не подалась. Тогда он громко, с выражением, прочитал надпись на табличке. Дверь по-прежнему оставалась заперта.

– Изречение приписывается древнегреческому философу Гераклиту, – сказал Ян, подумав. – Жившему в городе Эфесе в VI в. до нашей эры.

Он толкнул дверь сильнее – с тем же эффектом. Зеленоватые циферки таймера на внутренней поверхности забрала показывали, что у него осталось пятьдесят три минуты.

– Война в понимании Гераклита, – тщательно взвешивая каждое слово, проговорил Ян, – это не только вооружённое столкновение двух государств или полисов, но и любой конфликт вообще, не случайно он использует слово **«полемос»**, от которого произошло слово **«полемика»**. Иными словами, философ из Эфеса говорит нам, что двигателем любого развития является противоречие...

На этот раз дверь открылась сама – не понадобилось даже толчка. За дверью оказался огромный и странный город – мощные тройные стены, заросшие поверху кривыми низкими деревьями, величественные храмы под сияющими золотом куполами, узкие, как расщелины, улицы между массивными кирпичными домами, вытянутый эллипс ипподрома,

украшенный роскошными мраморными арками, утопающее в зелени нагромождение терракотовых кубов и параллелепипедов на берегу бирюзового залива – императорский дворец. Ян видел город целиком, как будто с уступа вознесённой над городом скалы. Вот только никакой скалы не было, он словно парил в воздухе. В восточной, темнеющей части неба зажглись золотые буквы:

КОНСТАНТИНОПОЛЬ, 542 ГОД НАШЕЙ ЭРЫ.

Ян сразу почувствовал себя спокойнее. Табличка с цитатой из Гераклита почти сбила его с толку, но теперь он, по крайней мере, понимал, чего от него ждут.

– Первая крупная пандемия в известной истории человечества, – сказал он в микрофон. – По имени византийского императора, правившего в момент её появления, названа Юстиниановой чумой.

Золотые буквы продолжали тревожно гореть на фоне тёмно-синих туч.

– Современные исследования подтверждают, что возбудителем болезни, известной как Юстинианова чума, была бактерия *Yersinia pestis*, различные штаммы которой вызывали бубонную, септическую и легочную чуму. Бактерия, по видимому, имеет родство с псевдотуберкулезной палочкой, обитающей в почве. Но если *Yersinia pseudotuberculosis* в случае попадания в организм человека вызывала только расстройство желудка, то мутация, произошедшая с ней около

десяти тысяч лет назад, превратила бактерию *Yersinia pestis* в смертельный для человека штамм. А окончательное превращение чумной палочки в страшное биологическое оружие произошло около двух тысяч лет назад в Восточном Китае, когда она приобрела ген, позволивший ей распространяться через лимфатическую систему высших приматов и разлагать белковые молекулы в их легких.

Он перевёл дух. Вроде бы нигде не ошибся, шпарит, как по учебнику!

– Ещё полтысячелетия ушло на то, чтобы *Yersinia pestis* переместилась с Дальнего Востока через пустынные районы Центральной Азии в Средиземноморье, где поразила великие города – Александрию Египетскую, Антиохию, и, наконец, Константинополь. Болезнь гнездилась в организме блох, которые паразитировали на крысах – а те, в свою очередь, путешествовали между странами на огромных византийских кораблях-зерновозах, вмещавших до тысячи тонн пшеницы. Чума свирепствовала около двух веков, став причиной смерти по меньшей мере 25 миллионов человек.

Золотые буквы налились тревожным пурпуром. Это была ещё не ошибка, но предупреждение, что он допустил неточность.

– Уточняю, – быстро поправился Ян, – 25 миллионов человек погибло только в Европе. Общее количество жертв пандемии, включая густонаселённые районы Китая и Индии, вероятно, приближается к 100 миллионам. Если учесть, что

всё население планеты, по разным оценкам, составляло в это время от 200 до 300 миллионов человек, то можно смело утверждать – Юстинианова чума выкосила от трети до половины тогдашнего человечества.

Пурпур вновь сменился золотом. Ян перевёл дыхание и бросил быстрый взгляд на таймер. У него оставалось три четверти часа и ещё два вопроса. Если, конечно, на первый он уже ответил. Как выяснилось, нет.

Город стремительно надвинулся на него, как будто Ян прыгнул с уступа скалы вниз и понёсся над улицами и стенами на внезапно выросших крыльях.

Сначала ему показалось, что Константинополь полностью вымер. Пусто было в лабиринтах узких темных улочек, на огромных просторных форумах, на широких набережных, в аллеях роскошных садов – город выглядел гигантским безжизненным макетом. Потом Ян увидел, как внизу, прижимаясь к стенам домов, крадётся человек с большим тёмным свёртком на плече. Из свёртка высовывалась жёлтая рука с тонкими, как у скелета, пальцами. Дальше, на вымощенной белоснежным сахарным мрамором площади перед Ипподромом сидел нищий в грязных лохмотьях и остервенело рвал зубами дохлую кошку.

В порту солдаты длинными пиками сталкивали в воду полуголых чёрных матросов, пытавшихся сойти на берег с потрёпанной штормами грузовой посуды. Матросы вопили и ругались, один, самый сообразительный, быстро поплыл

прочь и вылез на причал на безопасном удалении от солдат. Показав им неприличный жест, темнокожий юркнул в щель между сараями и был таков.

Измощённая седая женщина рвала на себе волосы над умирающим ребёнком. Могучий мужчина нёс на вытянутых руках тело возлюбленной. Облачённые в тёмные одежды могильщики огромной лебёдкой втаскивали сеть с трупами на вершину полуразрушенной башни крепостной стены. На пороге величественного златоглавого собора лежал мёртвый священник, сжимавший в окоченевшей руке украшенное драгоценностями распятие.

Невидимые крылья несли Яна к императорскому дворцу. Площадь, над которой он завис, была оцеплена двумя рядами длинноволосых стражников-северян. Стражники охраняли покой Юстиниана, который и сам заразился чумой от одного из придворных – но, в отличие от миллионов жителей Восточной Римской империи – выжил.

На этот раз надпись вспыхнула прямо над изогнувшейся драконьим гребнем черепичной крышей дворца – как будто в небе зажглись огненные факелы:

ПРЕДСТАВЬТЕ, ЧТО ВЫ – ИМПЕРАТОР ЮСТИНИАН.

КАКИЕ МЕРЫ ВЫ ПРЕДПРИМЕТЕ, ЧТОБЫ ПРОТИВОСТОЯТЬ ПАНДЕМИИ? УТОЧНЕНИЕ: ВЫ МОЖЕТЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ТОЛЬКО ДОСТУПНЫЕ В ЭТУ ЭПОХУ СРЕДСТВА.

К этому вопросу Ян тоже был готов – и вообще пока было не о чем волноваться, кроме как о стремительно утекающем времени.

– Прежде всего, я объявил бы карантин, – ответил он. – Закрыл бы порт для всех судов, прибывающих из Египта и Западного Средиземноморья. Инфекция попадала в Константинополь в основном оттуда.

В ГОРОДЕ НЕМЕДЛЕННО НАЧНУТСЯ ПЕРЕБОИ С ХЛЕБОМ, – огненные буквы бросали багровые отблески на полированные шлемы стражников.

– Я увеличу закупочные цены на хлеб из европейских провинций, – быстро сказал Ян. – На Балканах чумы почти нет, а земледельцы Фракии и Иллирии будут рады продавать излишки по дорогим ценам. А расходы компенсирую, подняв пошлины на весь импорт, особенно на предметы роскоши.

Новых вводных не появлялось, и Ян, приободрившись, продолжил:

– Организую специальные команды крысоловов, чтобы вытравить грызунов – переносчиков бактерии *Yersinia pestis*. Открою доступ к цистернам с уксусом, который будут бесплатно разливать всем нуждающимся. Специальным указом введу обязательное использование масок из тряпиц, пропитанных уксусом – вместо бесполезных вонючих накидок из козлиных шкур, которые, как считали византийцы, отгоняют бесов болезни. Всем состоятельным горожанам будет предписано окуривать свои дома благовониями. Я сделаю бес-

платными общественные термы, врачам прикажу выдавать посетителям бань гигиенические смеси из кожуры цитрусовых и розмарина, майорана, мяты и ромашки.

ПОДОБНЫЕ РАСХОДЫ БЫСТРО ПРИВЕДУТ К ЭКОНОМИЧЕСКОМУ КРИЗИСУ, – возразило ему грозное небо над дворцом Юстиниана.

– Ресурсы империи велики. Нужно всего лишь продолжать вести дела так, как будто никакой катастрофы не происходит, не поддаваясь панике. Продолжать строительство храмов, крепостей, дорог как в Константинополе, так и за его пределами. Вести торговлю с другими странами – при строгом соблюдении карантинных мер, разумеется. Проводить гибкую налоговую политику, что позволит наполнить рынок продуктами. Вдобавок я сократил бы расходы на армию, отказавшись от завоевательных походов в далёких от империи землях.

Ян перевёл дух. Очень хотелось вытереть пот со лба, но в защитном шлеме это было невозможно, а поднять сейчас забрало означало гарантировано провалить экзамен.

– И ещё я на месте Юстиниана обязательно расселил бы население Константинополя по провинциям. Раздал земельные участки тем горожанам, которые хотели бы их обрабатывать. А тех, кто не хотел бы покидать город – выселял бы насильно. Организовал бы обязательные, но оплачиваемые работы вне городских стен – либо индивидуально, либо небольшими коллективами. Я запретил бы врачам при-

жигать чумные бубоны калёным железом, а тем более их вырезать – это гарантировано убивает даже тех, чей организм способен победить инфекцию. И ещё – думаю, если бы я был императором, то сумел бы убедить Патриарха позволить сжигать трупы. Жители Константинополя сваливали трупы умерших в старые башни крепостных стен, пока не забивали их до самой крыши... а это, естественно, привлекало крыс и птиц-падальщиков. Так византийцы сами оцепили свою столицу постоянными очагами заражения...

ДОСТАТОЧНО, – зажглось над терракотовыми крышами дворца. – **ПРЕДЛАГАЕМАЯ ВАМИ СТРАТЕГИЯ СОКРАТИТ ЧИСЛО ЖЕРТВ ЮСТИНИАНОВОЙ ЧУМЫ НА 20-30 %, ИЛИ ОТ ПЯТИ ДО СЕМИ С ПОЛОВИНОЙ МИЛЛИОНОВ ЧЕЛОВЕК, ЧТО МОЖНО СЧИТАТЬ ХОРОШИМ РЕЗУЛЬТАТОМ ДЛЯ ЭТОЙ ЭПОХИ. ОТВЕТ ЗАСЧИТАН. ПЕРЕХОДИТЕ КО ВТОРОМУ ВОПРОСУ.**

Даже через забрало шлема Ян почувствовал дуновение тёплого ветра – и чудовищный город, раскинувшийся у него под ногами, смяло, как акварельный рисунок на рисовой бумаге. Вместо него появился совсем другой – блистающие иглы небоскрёбов на берегу океана, статуя женщины в короне из семи лучей, с бронзовым факелом в высоко поднятой руке, переброшенные через проливы между островами стальные стрелы мостов. Ян и так узнал бы это место, но всё же невольно усмехнулся, прочитав надпись, загоревшуюся над

городами Манхэттена:

НЬЮ-ЙОРК, США, 2023 ГОД НАШЕЙ ЭРЫ

Перед тем, как ответить, Ян сверился с таймером. 32 минуты – на первый вопрос он неожиданно истратил почти половину отпущенного времени. Он поневоле заторопился:

– Третья волна пандемии коронавируса COVID-19, охватившая все страны мира в 2020-2028 годах. Общее количество жертв – около 20 миллионов человек. США пострадали больше других развитых стран мира, во многом из-за того, что 2020 – первый год пандемии, когда её распространение ещё можно было остановить – был годом президентских выборов и президент Трамп, опасаясь за свой рейтинг, поначалу не решался признать масштабы нависшей над страной угрозы. В дальнейшем он всё же принял ряд мер, которые помогли на время сдержать распространение болезни, но чрезмерная нагрузка на экономику привела к глубокому системному кризису. После того, как Трамп был переизбран, пандемия обрушилась на страну с утроенной силой. В 2022 г. вспышка нового штамма коронавируса, известная, как – «погибель Города Ангелов», когда в Лос-Анжелесе в течение месяца умерло около полумиллиона человек, заставила Конгресс штата Калифорния проголосовать за выход из состава США – демократы, составлявшие большинство, возложили ответственность за катастрофу на Трампа и его республиканцев. На Западном побережье США была провозглашена независимая конфедерация Каскадия, федеральное пра-

вительство вывело на улицы Сан-Франциско и Сиэтла Национальную гвардию...

ВЫ ОТКЛОНИЛИСЬ ОТ ТЕМЫ, – просигналил невидимый экзаменатор. – **ЧТО ПРОИЗОШЛО В НЬЮ-ЙОРКЕ В 2023 ГОДУ?**

Вопрос сбил Яна с мысли. Ему казалось, что он очень логично подводит свой рассказ к главному событию десятилетия, но, когда экзаменатор спросил его напрямую, он растерялся. Как же ответить, чтобы не пропустить ничего существенного? И времени, как назло, оставалось всё меньше и меньше.

– В апреле 2023 года, – сказал он медленно, – в Нью-Йорке состоялось заседание Генеральной Ассамблеи ООН, на котором российская делегация представила свой план борьбы с пандемией. В основе этого плана лежала теория, разработанная группой русских ученых из Новосибирского Академгородка под руководством профессора Пирогова, по странному совпадению – однофамильца гениального врача, основоположника полевой хирургии, участника Крымской и Русско-турецкой войн.

ПОДРОБНЕЕ ОБ ЭТОЙ ТЕОРИИ

Лес царапающих небо многоугольников рванулся навстречу Яну. Он пронёсся между бликующих стеклянных стен, над улицами, забитыми жёлтыми, надсадно сигналящими реанимобилями, скользнул к украшенному массивным куполом зданию Генеральной Ассамблеи и оказался внут-

ри – в зале, где на трибуне стоял сухощавый мужчина с наголо бритым черепом – профессор Иван Пирогов. Он что-то энергично объяснял собравшимся в зале дипломатам, но звук был предусмотрительно отключён экзаменаторами.

– Пирогов и его группа, – сказал Ян, зависнув над рядами внимательно слушавших русского ученого делегатов ГА ООН, – исходили из того, что вирусы – это не просто организмы на грани живой и неживой природы, как считалось ранее. Пирогов считал, что вирусы – это форма неклеточной жизни, существующая на Земле миллиарды лет, возможно даже, первоначальные обитатели нашей планеты. А клеточная жизнь, согласно этой теории, пришла на Землю извне, была занесена с кометами из других миров. Иными словами, человечество – это очень отдалённые потомки пришельцев со звёзд, а вирусы – автохтоны, приспособившиеся к существованию бок о бок с захватчиками.

Ян вздохнул и помимо воли снова взглянул на таймер. Времени оставалось всё меньше.

– Приспособившиеся, но не смирившиеся с тем, что их мир был однажды захвачен.

Экзаменатор молчал, как показалось Яну – поощряя его продолжать.

– И всё это время вирусы ведут с нами войну на уничтожение... Сначала они убили неандертальцев – которые вовсе не были примитивными обезьяноподобными приматами, какими их изображали в старых учебниках истории. Продви-

нутые, чрезвычайно эмпатичные и создавшие оригинальную культуру существа, они могли бы построить развитую цивилизацию на несколько десятков тысяч лет раньше Египта и Месопотамии. До недавних пор считалось, что неандертальцев уничтожили и частично ассимилировали наши предки, пришедшие из глубин Африки – но последние исследования генетиков показали, что неандертальцы вымерли от эпидемий вирусного происхождения. Штамм, покончивший с неандертальцами, погиб вместе с ними – но эта потеря ничего не значила для странной, полуорганической жизни, насчитывающей сто миллионов видов и процветавшей на планете в течение трех миллиардов лет. Потом вирусы убили строителей первых храмов, которые 12 тысяч лет назад поклонялись звёздным богам на пустынных равнинах Анатолии. В костях строителей Гёбекли-Тепе и Чатал-Хююка нашли следы древней РНК, оставшейся от каких-то неизвестных ныне вирусов – а человечеству потребовалось без малого семь тысяч лет, чтобы оправиться от страшного удара и начать строить пирамиды и зиккураты. А спустя ещё пять тысяч лет *Yersinia pestis* обрушилась на самую высокую цивилизацию того времени – византийскую – и стёрла с лица земли половину человеческого рода.

И тут над головой профессора Пирогова, продолжавшего беззвучно выступать перед делегатами Генеральной Ассамблеи, зажглись беспощадные багровые буквы:

ОШИБКА. YERSINIA PESTIS – БАКТЕРИЯ, А НЕ

ВИРУС. ЧУМА – НЕ ВИРУСНОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ.

«Пытается подловить, – подумал Ян, усмехнувшись про себя. – Рассчитывает, что я занервничаю и ошибусь по-настоящему».

– Так и есть. Но профессор Пирогов установил, что эволюция *Yersinia pseudotuberculosis* была не случайной мутацией, вызванной горизонтальным переносом гена Plа, как считали раньше. Это был результат воздействия вируса. Вирусы внедрились в предка *Yersinia Pestis* и произвели в его генной структуре простую, но эффективную модификацию, превратившую безобидную земляную бактерию в самого страшного массового убийцу на планете. Фактически, вирусы впервые в истории использовали искусственно созданное биологическое оружие. И сами вирусы всё это время не просто мутировали, они эволюционировали, повышая свою эффективность, свою смертоносность в борьбе с главным врагом – с человеком. Об этом наверняка догадывались и раньше, но профессор Пирогов был первым, кто не побоялся сказать это вслух с самой высокой трибуны.

ИЗЛОЖИТЕ ВКРАТЦЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ПИРОГОВА В ООН

– Нам объявлена война, сказал Пирогов на заседании Генеральной ассамблеи ООН. Мы ещё не понимаем этого, потому что на этот раз войну нам объявило не враждебное государство, населённое такими же, как и мы, людьми. Не пришельцы из космоса и не роботы-терминаторы из будущего.

Всё это было бы не так страшно, потому что было бы слишком привычно, ведь все мы читали фантастические романы о вторжении пришельцев и смотрели голливудские фильмы про чужих. Но сейчас войну с нами ведёт нечто, что мы даже жизнью признать не можем – до такой степени оно не вписывается в рамки, которые мы сами для жизни определили. Нечто, имеющее гораздо больше оснований считать эту планету своей. Я знаю, что большинство моих коллег сочтут то, что я говорю, антинаучным бредом, но прошу вас меня выслушать, и выслушать внимательно. Не имеет значения, может ли коронавирус COVID-19 реплицировать сам себя, синтезировать белок и есть ли у него собственная иммунная система. Важно то, что в той войне, которую он ведёт против человечества, он действует не как природный фактор, а как разумный противник, руководствующийся сложной стратегией. Это – главное, а выяснением тонкостей и деталей можно будет заняться потом, после победы.

События последних лет, заключил Пирогов, это не просто борьба с пандемией, а война со смертельно опасным, обладающим огромными скрытыми резервами и совершенно недоговороспособным врагом. Соответственно, и вести себя с этим врагом следовало как ведут себя страны, подвергшиеся вооружённому нападению.

... Разумеется, выступление Пирогова вызвало скандал. «Washington Post» опубликовала карикатуру, на которой русский профессор в широких казацких шароварах и ушан-

ке с красной звездой, танцую вприсядку, палит из двух револьверов по уворачивающемуся от пуль зелёному коронавирусу. «New York Times» разразилась глубокомысленной статьёй о традиционной русской паранойе, заставляющей Москву выискивать врагов даже с помощью электронного микроскопа. Но многие СМИ к Пирогову прислушались. Любимый телеканал американского президента Fox выделил профессору из Новосибирска полчаса в прайм-тайм. К разочарованию карикатуристов, Пирогов пришёл в студию не в шароварах и не в ушанке, а в скромном, но дорогом костюме от Brook's Brothers. В руках у него была папка из тиснёной кожи с золотым гербом России.

«Итак, вы заявляете, что нам объявлена война?» – спросил профессора любимый телеведущий президента Трампа Шон Хэннити.

«Именно так, – ответил Пирогов на прекрасном английском. – И война эта ведётся по всем правилам военного искусства. В самом начале войны наш враг нанёс удар по нескольким ключевым точкам, сразу же лишив нас возможности эффективно обороняться. Так, китайская провинция Хубэй, где находится город Ухань, с которого в 2020 г. и началась пандемия, была центром производства медицинских масок, обеспечивавшим ими 90 % стран мира. В результате на протяжении полугода мир испытывал жестокий дефицит этого простейшего средства защиты – помните, как государства буквально воровали друг у друга грузы с масками?»

Шон Хэннити был слишком профессионален, чтобы покраснеть. Он ограничился понимающей улыбкой.

«Второй удар пандемии пришелся по Ломбардии, – продолжал Пирогов. – В этой итальянской провинции, сильнее всего в Европе пострадавшей от пандемии, расположены заводы одного из крупнейших в мире производителей оборудования для забора мазков – без них тестирования на COVID-19 не проведёшь. Враг выбил это звено – и последствия тут же стали ощущаться по всему миру, особенно, кстати, в Америке. А знаете, почему? Всё дело в глобализации. Мировая экономика настолько широко раскинула свои производственные цепочки, настолько растянула линии снабжения, говоря военным языком, что несколько хорошо выверенных точечных ударов оказались способны обрушить всю нашу систему обороны. Точнее, вашу систему. Россия, в силу многих причин – в том числе, кстати, и благодаря западным санкциям – с 2014 г. была вынуждена рассчитывать сама на себя. Поэтому и тесты мы делали сами, не рассчитывая на импортные комплектующие. И вакцины разработали раньше других, потому что нашим учёным и производителям не было нужды спрашивать разрешения у Биг Фармы. Ну и потом, то, что вы всё время ставили нам в вину – синдром осаждённой крепости, русская паранойя... Знаете, это, конечно, было сильным преувеличением, но память поколений так просто не сотрёшь. Когда пришла беда, опыт многих войн, пережитых моей страной, помог нам быстро собраться

с силами и приготовиться к отражению атаки. А она последовала – пусть враг и напал на нас чуть позже, чем на Китай, Италию и США».

«ОК, Иван, – перебил его Хэннити, – мы всё уже поняли, что круче вас только hard-boiled eggs. Но вы прилетели сюда из своей Сибири, или Монголии, или где там находится ваш Академгородок – приехали к нам, в Штаты, устроили шухер в ООН, подняли на уши всё Восточное побережье... спрашивается – зачем? У меня возникает подозрение, что вы под шумок хотите порешать здесь какие-то важные для вас вопросы. Вы видите, что мы сейчас не так сильны, как раньше – и пытаетесь воспользоваться моментом. Ну не могу я всерьёз поверить в этот ваш бред со страшной вражеской цивилизацией вирусов, которая якобы с нами воюет».

«Шон, – сказал Пирогов, подвигая к ведущему папку с золотым гербом, – аналитики из моей группы собрали здесь самые очевидные факты, свидетельствующие о том, что враг действует сознательно. Я назвал только два – Хубэй и Ломбардия – а в этой папке их сто. Прочитайте и поговорим... потом».

Хэннити папку взял. Но поговорить у них не получилось – на следующий день Пирогов срочно вылетел в Индию, где в трущобах двадцатимиллионного Мумбаи вырвался на свободу новый штамм коронавируса, ещё более смертоносный, чем два предыдущих. Невероятными усилиями Мумбайскую вспышку удалось локализовать, но Пирогов застрял

в Индии на целый год. За этот год в мире изменилось многое.

Хэннити внимательно изучил переданные ему документы. Они потрясли его настолько, что Шон добился встречи с президентом США и, зная, что тот не большой любитель читать, коротко пересказал ему содержимое папки Пирогова. Президент не поверил, но поручил директору разведки проверить полученную информацию, и через некоторое время получил доклад, в основном подтверждающий выводы русского профессора.

А спустя ещё несколько месяцев президенты США и России встретились на Азорских островах – единственном клочке суши, куда ещё не проник COVID-19. Руки друг другу они не пожали, потому что каждый находился в герметичном помещении с автономной системой кондиционирования, но это не помешало лидерам двух сверхдержав подписать Договор Сан-Мигел – документ, положивший начало новой эре в истории человечества. Спустя восемьдесят лет после открытия Второго фронта против Третьего рейха Россия и США вновь стали союзниками в борьбе с древним, коварным и жестоким врагом.

ВАШ ОТВЕТ НА ВТОРОЙ ВОПРОС ЗАСЧИТАН. ПЕРЕХОДИТЕ К ТРЕТЬЕМУ ВОПРОСУ.

Небоскрёбы Нью-Йорка подёрнулись рябью и огромный город на берегу Атлантики стал сворачиваться, словно свиток. За ним проступало какое-то новое, мрачно багровеющее пространство, но Ян не мог оторвать взгляда от стремитель-

но убегающих зелёных цифр на внутренней стороне забра-
ла – 4.05, 4.04., 4.03...

Четыре минуты, подумал он в отчаянии. У меня осталось
всего четыре минуты. На первые два вопроса я отвечал в об-
щей сложности пятьдесят минут... Не успеть, ни за что не
успеть!

Тут Ян с удивлением понял, что третьего вопроса так и
не прозвучало. Багровое пространство продолжало перели-
ваться тёмными сполохами, но Ян не видел ничего, что по-
ходило бы на вопрос, пусть и зашифрованный. Между тем,
таймер уже показывал – 3.55, 3.54, 3.53...

– Повторите вопрос, пожалуйста! – закричал Ян в мик-
рофон. Молчание. Никаких букв, никаких надписей. Только
пылающее, тревожно вспыхивающее пространство впереди.

Стоп, сказал он себе. Ты был невнимателен! Вопросов на
самом деле УЖЕ было три. Первый – табличка с цитатой
из Гераклита Эфесского. Второй – Юстинианова чума. Трет-
тий – COVID-19 и план Пирогова. Но первый вопрос так и
не был засчитан, ответ на него просто открыл мне дверь... а
это значит... это значит...

А не значит ли это, что третий вопрос каким-то образом
вытекает из первых двух? Может быть, ответ на него должен
связать все три в одно логическое целое? Но – какое?

Ян вдруг обнаружил, что говорит – хотя ум его ещё про-
должал лихорадочно искать связи между Юстиниановой чу-
мой, пандемией 2020 года и философом, жившим в городе

Эфесе за тысячу с лишним лет до катастрофы, постигшей Византию.

– Формула Гераклита, – он произносил слова чётко, как и учил его Доктор, но значительно быстрее, чем требовалось на экзамене, – выводит развитие из войны. Состояние покоя губительно для живого, утверждает философ. Жизнь – это постоянный конфликт, в этом смысл слов – «война – это отец всех и царь всех». Человечество развивается, пока воюет, и воюет, пока развивается. Чем бы ни были силы, с которыми мы ведём борьбу – чуждым враждебным разумом или косной природой – нам нельзя складывать оружие, нельзя расслабляться. Мы все солдаты великой войны, и каждый из нас с рождения и до смерти стоит на своём посту.

2.15, 2.14., 2.13., 2.12...

– Есть ещё одно высказывание Гераклита из Эфеса, – Ян уже почти кричал в микрофон, – «Бессмертные смертны, смертные – бессмертны, одни живут за счёт смерти других, за счёт жизни других умирают». Те, кто отдал жизни за спасение человечества от пандемий – заслужили бессмертие! Доктор Ли Вэньлян, открывший коронавирус COVID-19... Профессор Пирогов, убедивший мир в том, что вирусы – это враждебная цивилизация, которая ведёт против людей войну... Виктория Чернова, изобретатель вакцины от ВИЧ... Это – герои человечества, они навсегда в нашей памяти. Но они погибли за то, чтобы люди не просто жили, а жили счастливо! Не прожигали жизнь бесцельно, а делали её лучше.

1.08, 1.07., 1.06...

– Ведь если мы забудем, для чего они сражались... мы проиграем.

Он остановился, потому что слова у него вдруг кончились. Стоял и тяжело дышал, глядя в пульсирующее багровым пространство. А таймер неумолимо отсчитывал оставшуюся в запасе минуту...

0.10, 0.09, 0.08, 0.07...

Багряная тьма впереди посветлела, вылиняла, превращаясь в ровную серую поверхность. На ней появились буквы – на этот раз для разнообразия не золотые и не пламенные, а скучного чёрного цвета:

ОТВЕТ НА ТРЕТИЙ ВОПРОС ЗАСЧИТАН.

Через несколько секунд надпись стёрло невидимой тряпкой и на сером фоне появились новые слова:

ЭКЗАМЕН СДАН УСПЕШНО. ПОЗДРАВЛЯЮ, КУРСАНТ.

Рука Яна потянулась к забралу, но замерла на полпути. Он слышал истории о торопыгах, снявших шлем или стянувших перчатки до выхода с полигона и благополучно отправившихся на переэкзаменовку. Может быть, обычные курсантские байки... но рисковать всё-таки не стоило. Поэтому он просто отдал честь, приложив ладонь к щитку шлема.

– Служу России, – сказал он коротко.

Ян шёл по аллее ливадийского ботанического сада. Сквозь густую зелень олеандров и бугенвиллий просвечивала яркая лазурь моря. Майский Крым, щедро залитый солнечными лучами, кружил голову ароматом роз – миллионы их были высажены по всему побережью, от Севастополя до Феодосии. На фоне этого земного рая казались дурным сном площади опустошённого чумой Константинополя, забитые реанимобилями улицы Нью-Йорка, только что виденные им в виртуальных галереях полигона...

Ян подошёл к воротам дворца, в котором больше века назад союзники решали судьбы послевоенного мира. Изящное белое здание утопало в роскошной зелени. Перед фонтаном на каменной скамье, опираясь на антикварного вида трость из красного дерева, сидел старик в смешной соломенной шляпе.

– Доктор, – сказал Ян, подходя, – я сдал экзамен.

– Что ж, – проговорил старик, не оборачиваясь, – я в тебе никогда не сомневался.

– Я ожидал более сложных вопросов, – признался Ян.

– Всё ещё впереди, мой мальчик, – хмыкнул Доктор.

– Как вы думаете, экзаменаторы знали, кто мой наставник?

– Полагаю, да.

– Тогда это было... – Ян запнулся.

– Было – что?

– Не совсем честно. Как будто мне специально задали вопрос, на который я точно знал ответ.

– Почему же?

– Если мой наставник работал с профессором Пироговым – очевидно, что я буду хорошо знаком с его теорией.

– Ты в любом случае должен был знать её наизусть, – ворчливо сказал старик. – Это основа основ. Впрочем, могу тебя утешить. Всем первокурсникам задают вопрос о теории Пирогова.

– А в чём тогда разница?

– В третьем вопросе. Он самый главный. Он показывает, можешь ли ты самостоятельно мыслить. Если экзаменаторы сочтут, что можешь – то ты перейдёшь на второй курс. Если нет...

Доктор замолчал и некоторое время чертил тростью на песке какие-то знаки.

– Это был самый лёгкий экзамен, курсант, – сказал он, наконец. – Не расслабляйся, дальше будет гораздо тяжелее.

– Вы говорили, – напомнил Ян, – что от этого экзамена зависит вся наша жизнь...

– Правда, – согласился старик. – Потому что именно этот экзамен определяет, будете ли вы дальше учиться на врачей, или эта ноша вам не по плечу.

– Ещё семь лет, – сказал Ян.

– Да, ещё семь лет. А потом ещё всю жизнь. Сначала история и философия, потом экономика и политика, квантовая физика и статистические методы MaxEnt, моделирование органических структур... Врач должен быть универсально образован, иначе – какой это врач?

– Раньше было проще, – сказал Ян.

– Это так кажется. Сложно было всегда. Думаешь, земским врачам с их стетоскопами и ланцетами было легко? Без антибиотиков, без КТ и МРТ, без нейросканирования и биосинтезаторов? А они честно выполняли свой долг, как положено солдатам. Не жаловались. А каково приходилось врачам, которые несли свою вахту во время Великой войны? Знаешь, что это – оперировать по двенадцать, пятнадцать, семнадцать часов в сутки? Когда руки трясутся от усталости, а глаза почти не видят из-за лопнувших от перенапряжения сосудов? И заметь – у них не было молекулярных скальпелей, 3D-принтеров и полигонов виртуальной реальности. Они не могли позвонить из тылового госпиталя в Москву и попросить светило хирургии провести онлайн-операцию по сети 7G. И ничего, справились.

Доктор поднялся со скамьи с неожиданной для человека его возраста стремительностью.

– Привыкай, курсант. Тебе говорили, что врачи – элита человечества, но это не так. Мы – щит человечества. Мы защищаем светлый и радостный мир, построенный после одержанной много лет назад победы над страшным врагом. За-

щищаем, потому что враг побеждён, но не уничтожен. На Земле все ещё обитают сто миллионов видов вирусов. И они по-прежнему эволюционируют – а значит, опасность всё ещё существует.

В голосе Доктора лязгнул металл. Нелепая шляпа у него на голове вдруг показалась Яну генеральской фуражкой, и курсант ощутил желание вытянуться по стойке «смирно».

– Для нынешнего счастливого человечества угроза пандемий осталась далеко в прошлом, но мы, врачи, знаем – эта война никогда не заканчивается. И мы всегда должны быть на страже.

Старый доктор лихо отсалютовал Яну своей антикварной тростью, развернулся и, демонстрируя великолепную офицерскую выправку, направился ко входу во дворец, над которым трепетала в полуденном воздухе сотканная из холодного золотого огня надпись:

Ялтинское медицинское училище № 1.